

Научная статья
УДК 811.111.8
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_69
EDN QKZDPL

Русский язык в свете молодежного рунглиша

Елена Евгеньевна Хазимуллина

Кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия, г. Уфа
ElenaKhazimullina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6572-6695>

Аннотация. С ростом числа экономических, политических и культурных контактов под влиянием тенденции к глобализации мира усиливается и воздействие английского языка на многие другие языки, в том числе русский. Русскоязычная речь современных российских школьников, в частности сленговая, жаргонная и разговорная, насыщена огромным количеством англицизмов; формируется русско-английский пиджин, рунглиш. Англицизмы, которые используют школьники, входят в русский язык, образуют в нем производные слова, обрастают грамматическими формами, развивают новые лексические значения. При этом речь молодежи не только отражает актуальные тенденции, она способствует расшатыванию норм, задает новые языковые вкусы. Чрезмерное использование англицизмов в русской речи засоряет ее и может сказаться на состоянии и развитии языка. Необходимо отметить, что многие школьники не видят взаимосвязи между широтой использования англицизмов и изменениями контактирующих при этом языков. Вхождение англицизмов в речь российских школьников становится интенсивнее с их возрастом под влиянием изучения английского языка, а также тесных международных контактов, в том числе в интернете, компьютерных играх, социальных сетях. Среди специфических причин воздействия английского языка на другие языки, и в частности русский, ученые называют мировое лидерство США во многих сферах современной жизни, ориентацию молодых людей России на западную культуру, стиль жизни, моду, пропаганду. Таким образом, английский язык выполняет в глобализации мира роль «мягкой силы», снижает национальную безопасность России и жизнеспособность русского языка.

Ключевые слова: русский язык; рунглиш; заимствования; молодежный жаргон; пиджин; культура речи; экстра-, интралингвистические факторы; мотивация

Благодарности: автор статьи выражает благодарность студентам 1 курса профиля «Перевод и переводоведение (английский, немецкий и французский языки)» БГПУ им. М. Акмуллы, участвовавшим в сборе фактического материала, а также Г. М. Хазимуллину, который под руководством учителя английского языка И. Н. Хариной, провел опрос среди школьников г. Уфы, активно участвовал в получении, обработке и анализе статистических данных.

© Хазимуллина Е. Е., 2023

Для цитирования: Хазимуллина Е. Е. Русский язык в свете молодежного рунглиша // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 69-86. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_69. <https://elibrary.ru/QKZDPL>.

Original article

Russian language in the light of youth runglish

Elena E. Khazimullina

Candidate of philological sciences, associate professor, Bashkir state pedagogical university n.a. M. Akmulla, Russia, Ufa

ElenaKhazimullina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6572-6695>

Abstract. With the growing number of economic, political and cultural contacts and under the influence of the trend towards globalization of the world, the impact of the English language on many other languages including Russian is also increasing. Modern Russian schoolchildren's speech, in particular slang, jargon and colloquial speech, is filled with a large number of anglicisms; a Russian-English pidgin, Runglish, is being formed. Anglicisms used by schoolchildren enter the Russian language, form derivative words in it, develop grammatical forms, add new lexical meanings. At the same time, young people's speech not only reflects current trends, it contributes to loosening the norms and sets new linguistic tastes. Excessive use of anglicisms in Russian speech litters it and can affect the condition and development of the language. It should be noted that many schoolchildren do not see the connection between the wide use of anglicisms and the changes in the contacting languages. The penetration of anglicisms into the speech of Russian schoolchildren becomes more intensive as they grow older, due to studying English, as well as close international contacts via the Internet, computer games, and social networks. Among specific reasons for the impact of English on other languages, and Russian in particular, scientists name the US world leadership in many spheres of modern life, the trend of young people in Russia towards Western culture, lifestyle, fashion, and propaganda. Thus, the English language plays the role of "soft power" in the world globalization, reduces Russia's national security and the viability of the Russian language.

Key words: the Russian language; Runglish; borrowings; youth jargon; pidgin; speech culture; extra-, intralinguistic factors, motivation

Acknowledgments: the author of the article expresses gratitude to the 1st year students of the "Translation and Translation Studies (English, German and French languages)" BSPU named after M. Akmulla, who participated in the collection of factual material, as well as G. M. Khazimullina, who, under the guidance of English teacher I. N. Kharina, conducted a survey among schoolchildren in Ufa, actively participated in obtaining, processing and analyzing statistical data.

For citation: Khazimullina E. E. Russian language in the light of youth runglish. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 69-86. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_69. <https://elibrary.ru/QKZDPL>.

Введение

Языковое и культурное многообразие – важнейшие ценности цивилизованного мира, в том числе России [Стратегия государственной...]. При этом важно понимать, что сохранение языков, их реальная жизнеспособность зависит от множества социальных, политических, экономических, культурных, собственно языковых и других факторов. Многим носителям современного русского языка, не только молодежи, но и взрослому населению, представляется, что «великому и могучему» ничего угрожать не может, он существует довольно давно и будет жить вечно (см. дискуссию в [Будут ли говорить ... , 2014]). Однако языковое развитие совершается по определенным законам, незнание или сознательное игнорирование которых способно изменить реальность. Кроме того, государственная и национальная безопасность страны коррелирует с культурно-языковой безопасностью.

Методы исследования

В исследовании текущей ситуации применялись методы наблюдения над языковым и речевым материалом, лексико-семантического, компонентного, контекстуального, дискурсивного анализа, социолингвистического опроса (задействовано 43 респондента), научной классификации и статистической обработки данных.

Результаты исследования

Взаимовлияние русского и английского языков имеет давнюю

историю. Не только в русский язык входят англицизмы, английский язык также заимствует русские наименования: *cosmonaut* «космонавт», *cosmodrome* «космодром», *space ship* «космический корабль», *sputnik* «спутник» (отсюда *protestnik*, *folknik*, *beatnik*), *lunokhod* «луноход», *intelligentsia* «интеллигенция», *new thinking* (*novoye miishleniye*) «новое мышление», *poshlost* «пошлость», *nadryv* «надрыв», *toska* «тоска», *hamstvo* «хамство», *bab'ushka* «бабушка» → «шарф / головной платок, завязываемый под подбородком так, как его традиционно носили русские женщины» [Русский язык ... , 2021, с. 105-108]. Взаимообогащение культур и языков, несомненно, продуктивный процесс: нельзя описать чужую культуру исключительно средствами своего языка; есть и другие объективные причины заимствований, они хорошо описаны лингвистикой [Крысин, 1996, с. 145]. Вместе с тем последствия языковых контактов могут быть различными: в том числе конвергентное развитие взаимодействующих языков, образование вспомогательных «общих» языков, языковая ассимиляция, то есть исчезновение одного из контактирующих языков [Общее языкознание, 1970, с. 285].

Англицизмы и американизмы в русский язык начали входить давно, очевидно, что в конце XX-XXI вв. их приток стал лавинообразным. При этом значительным изменениям под-

вергается не только лексическая система современного русского языка (*получайте кэшбэк, боновые за-граждения, культурный кластер, заниматься активностями, участие в краудсорсинг-проекте, в один клик*), но и грамматика, способы выражения грамматических значений (*аппетит+рецепт, бизнес+консультант, онлайн+покупки; изменение расписания → изменение в расписании, возможность влияния → возможность влиять, ста двадцати трех → в количестве сто двадцать три; из города Новосибирска → из города Новосибирск*), графика (*talk-шоу, vip-зал*); меняются интонационные конструкции, коммуникативно-речевые модели (называние человека по имени, а не по имени-отчеству, внедрение в практику делопроизводства семантических калек: *свидетельство об изменении фамилии → свидетельство о перемене имени*); нарушаются стилистические нормы в СМИ, рекламных текстах, интернет-пространстве, нарастает давление политики «культурной глобализации» в языке науки, см. [Мурашко, 2019, с. 82-84; Русский язык ... , 2021, с. 56-62, 68]. Подобные глубинные изменения беспокоят специалистов.

О снижении жизнеспособности русского языка свидетельствуют статистические данные: если к концу XX в. русский язык занимал 2 место в мире [Будут ли говорить ... , 2014, с. 23], то сейчас, согласно исследованию ГИРЯ им. А. С. Пушкина, он находится

на 8, существенно уступая английскому языку по числу носителей: 258 млн человек против 1 348 млн. Индекс конкурентоспособности русского языка – 2,86 (5-е место в мире), в то время как английский язык – безусловный лидер по этому показателю. Сильные позиции русскому языку обеспечивают научные публикации, статус в международных организациях, а также доля русскоязычных интернет-сайтов [Индекс положения ... , 2022, с. 8, 18, 21]. Индекс энтропии русского языка – 0,705, английского – 1,166 [Русский язык ... , 2021, с. 37]. Несмотря на повышение юридического статуса русского языка в России («Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», п. 1 ст. 68 Конституции РФ), происходит сужение его функций в мире, а также снижение престижа на постсоветском пространстве [Русский язык ... , 2021, с. 21]. И так, если русский язык – мировой, международный, то английский является глобальным, несмотря на то, что статус мирового он приобрел лишь к 60-м гг. XX в. [Замятин, 2012, с. 28; Русский язык ... , 2021, с. 13].

Необходимо подчеркнуть, что такое положение вещей не является результатом исключительно естественного развития. Исследователи отмечают, что молодежь в XXI в.

стала лояльнее относиться к заимствованиям, чем предыдущие поколения россиян; Н. Ф. Михеева в качестве одной из причин этого называет мощную пропаганду изучения английского языка (по [Рассказова, 2020, с. 104]). В качестве факторов влияния английского языка на другие языки, в том числе русский, ученые приводят также: а) мировое лидерство США во многих сферах современной жизни; б) ориентацию молодых людей России на западную культуру, стиль как более престижные, модные; в) возможность перевода культурного капитала английского языка в материальный [Русский язык ... , 2021, с. 26], экономический (требование работодателей, издателей, политики) и др. В итоге «ценностно-мотивационный рейтинг» русского языка оказывается резко сниженным [Кушнир, 2001]. Авторы монографии «Как и зачем сохранять языки народов России?» считают, что «в основе утраты языков и ослабления сообществ их носителей» лежит глобализация [Замятин, 2012, с. 36]. В этом процессе английский выступает так называемым «языком мягкой силы», утверждающим западные стандарты и обеспечивающим США мировую гегемонию [Мурашко, 2019, с. 82-84]. Как отмечает А. В. Величко, «здесь речь идет уже о влиянии языка на общество (а не жизни общества на язык)» [Русский язык ... , 2021, с. 78, 56-62]. Возможно, имеет смысл пересмотреть закрепившийся в общественном сознании россиян сте-

реотип о том, что русскому языку ничего не угрожает.

Современный русский язык представлен различными функционально-стилистическими, территориальными и социальными вариантами, которые в той или иной степени испытывают на себе влияние английского языка. Больше всего подвержен такому воздействию молодежный жаргон, тесно взаимодействующий не только с другими социальными диалектами, но и с разговорной подсистемой, а также с литературным языком. Многие школьники изучают английский язык с 1 класса, некоторые начинают его освоение еще в дошкольный период. Средства английского языка активно заимствуются подростками через компьютерные игры, киноиндустрию, интернет, межкультурную коммуникацию в разнообразных мессенджерах и социальных сетях. Не удивительно, что в речи молодежи так много англицизмов: *гуглить* < *to google* «искать информацию, пользоваться поисковой системой Google»; *юзать* < *to use* «использовать»; *пошерить* < *to share* «делиться»; *аскать* < *to ask* «спрашивать»; *кринж* < *to cringe* «съеживаться от отвращения, стыдиться» → 'испытывать стыд за кого-л.'; *краш* < от *crush* «предмет обожания, любви»; *трабл* < *trouble* «проблема, неприятность, ошибка»; *трэш* < *trash* «мусор, хлам, дрянь, ерунда» → 'что-то, выходящее за пределы привычного, нормального; что-л. уди-

вительное, шокирующее, неприемлемое'; *мьюч* < *mutual* «взаимно» → 'близкий человек в сети, друг'; *альт* < *alt* – сокращение от «альтернативный» → 'подростки, которые отходят от стандартов, не такие, как все'; *киннить* < *to kin* «родниться с кем-л.» → 'ассоциировать, идентифицировать себя с кем-л.'; *думер* < *doom* «гибель, судьба, рок, обречённость», *доотер* «обречённый» → 'депрессивный человек, который не видит перспектив в своём будущем и не пытается ничего изменить в настоящем' и мн. др.

Естественное развитие молодежного жаргона имеет свои нормы (см. [Хазимуллина, 2009b; Пучинина, 2021; Цибилова, 2021]), однако процесс глобализации вносит в него коррективы – с учетом массовости англоязычных заимствований можно констатировать, что в речи молодежи формируется особый, смешанный язык – рунглиш (Runglish), русско-английский пиджин, который удовлетворяет множество специфических потребностей школьников и студентов, но имплицитно выступает средством дезинтеграции поколений в России и способствует снижению функциональных возможностей, а в перспективе – жизненной силы русского языка. Е. Г. Ножевникова и С. Б. Формозов подчеркивают, что «при наличии социальных и политических условий» пиджин может становиться родным языком для местного населения, постепенно

превращаясь в самостоятельный креольский язык, обслуживающий «все необходимые коммуникативные ситуации», а затем – и в литературный язык. Спектр распространения рунглиша уже сейчас «достаточно велик: спорт, книги, интернет, пресса, реклама и многое другое», и это не проходит бесследно [Языковая политика ... , 2018, с. 135-136, 139].

По нашим наблюдениям, русскоязычная речь современной молодежи России в неофициальных ситуациях общения, в частности сленговая, жаргонная, насыщена огромным количеством англицизмов, например: «*Агрите вражеских крипов на своего ренджевого крипа, чтобы заденаить его. В то же время старайтесь добить ренджевого крипа спеллом. Ренджевой крип – самый ценный, за него дают больше золота и опыта. Посмотрите, как сыграл в этом моменте Нун: добил ренджевика с помощью Tornado; заагрил крипов на своего ренджевика; добил второго ренджевика с помощью Cold Snap*». Причем активное использование подобной лексики характерно не только для тех, кто играет в компьютерные игры, англицизмы являются высокочастотными элементами в обыденных, разговорно-обиходных, и других контекстах: *Го сегодня на площадку!; Где твой амбrella?; Ты идешь на пати?; Врубил стрим и чиллишь себе!; Не люблю селфиться; У меня муд потусить; Это такой кринж!; Пора*

ливнуть с проекта; Донат на гамбургер; Я крутая, а вы все ну-бы!; Омг эти реблоги в тамблере; я совсем недавно открыла твич, до этого стримила на других площадках; сори за офтоп и т. д. Заимствование лакун в языке в отсутствие исконных аналогов или же необходимых оттенков значений существующих слов является главной внутриязыковой причиной заимствований. Однако следует констатировать, что молодежь использует и довольно много варваризмов, засоряющих русскую речь, закрепляющихся не только в устной, но и в письменной коммуникации. Так, легко могут быть заменены русскими аналогами: *респект (respect) – уважение; спикер (speaker) – говорящий, докладчик; муд (mood) – настроение; чекать*

(to check) – проверять; нуб (newbie) – новичок; саппорт (support) – поддержка; ливнуть (to leave) – уйти; инвайт (invitation) – приглашение; го (go) – идём, пойдём и т. п. единицы.

Является ли большое количество англицизмов следствием исключительно недостаточного уровня культуры речи школьников и студентов? Не всегда. Немаловажный фактор заимствований – краткость англоязычных средств номинации, а также необходимость сокрытия смысла речи от непосвященных, в том числе взрослых, что традиционно присуще молодежному жаргону, как и усиление экспрессии высказываний, стремление к новизне. Это вполне осознают опрошенные нами учащиеся 7 и 10 классов (см. табл. 1).

Таблица 1.

В каких ситуациях и для чего Вы используете иноязычные слова?

Ситуации	Цели
<ul style="list-style-type: none"> • в неформальном общении молодежи: со сверстниками, друзьями, близкими (разговоры, переписка); • в сетевых, компьютерных играх, в соцсетях TikTok, Twitter; • с людьми из разных стран, в т. ч. при прослушивании музыки; • для дискуссий в некоторых, определенных группах по интересам; • некоторые слова – в общении с родителями; • в повседневной жизни, в общении; • всегда 	<ul style="list-style-type: none"> • для взаимопонимания; • чтобы взрослые не поняли; • для сокращения, в том числе для скорости в компьютерных играх, переписке; • для изучения английского языка; • для прикола; • чтобы общаться с современными людьми и понимать, о чем они говорят; • чтобы описать ситуацию, чтобы выразить более точно и ёмко многие понятия, а эмоции – более ярко

Ответы «всегда», «для взаимопонимания» и «чтобы общаться с современными людьми и понимать, о чем они говорят», указывают на широту применения смешанного, русско-английского языка, а также на глубину «языкового сдвига», являющегося результатом действия экстралингвистических факторов [Кондрашкина, 2022, с. 3306]. Американизация – длительный процесс, затронувший все сферы жизнедеятельности российского общества. Уже ассоциативный эксперимент, который мы проводили в 2009 г. в массовой студенческой среде, выявил в сознании билингвов и полилингвов Башкортостана особые межъязыковые парадигмы, в которых англицизмы были представлены как «термины смешанного языка», по Л. В. Щербе: *ярар – айбэт – булһын – ладно – хорошо – о'к – all right; йорт – дом (юрта, изба, хижина, хата, чум) – home, house; китап – книга – book* и т. п. [Хазимуллина, 2009а, с. 218]. Можно ожидать, что подобных парадигм сейчас стало больше, число их элементов расширилось.

В текущем нашем исследовании из 107 задействованных в опросе англоязычных слов и выражений, нет таких, которые не знали бы и не употребляли уфимские школьники. Десятиклассники в большей степени используют единицы, связанные с поиском, распространением, достоверностью и манипулятивностью информации (*гаджет, газлайтинг, гуглить, ивент, кликбейт, мейнст-*

рим, подкаст, пруфы, расфорсить, ремейк, свайп, стрим, трафик, фул хайп, чекать, чекнуть, форс, юзать), организацией обучения, различных видов деятельности (*бэкграунд, гайд, дедлайн, драйв, комьюнити, конфа, тим, топик, челлендж*), поведением людей, в том числе в сети (*агриться, байтить, гангать, кикнуть, ливать, по дефолту, рандомно, рофлить, чилить*), различным отношением к людям (*броук, крейзи, мьюч, позер, респект, саппорт, хоуми*), самовыражением, настроением (*альт, вуман момент, дед инсайд, думер, муд, селфи, тильт*), отношениями между полами (*абьюзер, бести, краш, милфа, нюдсы, пикап, пикапер, рэд флаг, симп, соулмейт, стэнить / станить, шипперить, иугар дэдди*). Учащиеся 7 классов осваивают прежде всего лексику компьютерных игр (*афк, бан, гаджет, донат, донатить, ивент, инвайт, кикнуть, контр-пик, крип, криповый, ливать, комьюнити, мидер, рандомный, ренджевик, саппорт, сквад, спелл, фармить, хаешка, хэдишот*), а также связанную с особенностями внешности и характера человека, с буллингом (*агрить, альт, биф, лузер, мьютить, токсик, токсичить, рофлить, шеймить, эйджизм*). Девочки и средней, и старшей школы используют англоязычные наименования одежды, макияжа, индустрии продаж, внешнего вида (*боди, виндпруф, лейбл, лонгслив, лук, мейкап, реселл, селфи, худи*). Школьники в целом активно

заимствуют из английского языка названия эмоций и эмоциональной оценки (*думер, краш, кринж, изи, криповый, лол, нуб, симп, позер, токсик, трабл, трэш, хоррор*), лексику «культуры потребления» (*ашкуди* – от названия производителя «HQD», 'электронная сигарета', *флешка* 'электронное устройство для курения', *чилить на вайбе*). Абсолютные лидеры в активном словарном запасе учащихся – слова «рандомный», «рандомно» (< *random* «случайный, произвольный, беспорядочный, выбранный наугад»).

Как показывают результаты данного исследования, рунглиш – это неоднозначное речевое явление. С одной стороны, массовое заимствование англицизмов в русский язык свидетельствует о расширении словарного запаса учащихся за счет активного изучения английского языка, на что указывают также попытки толковать значения англицизмов путем прямого перевода в случаях, если школьники не знают значения жаргонных единиц: *симп* – «просто» (от *simple*). Многие учащиеся верно интерпретируют значения слов, включенных в наш опрос, особенно десятиклассники. Рунглиш выполняет и функцию адаптации англоязычных слов для русскоязычной коммуникации (см. об этом [Шенаева, 2013]). С другой стороны, чрезмерное употребление англицизмов в русской речи засоряет ее и не может не сказываться на состоянии и развитии русского языка.

Англицизмы, которые используют школьники, входят в молодежный жаргон, а через него – и в другие подсистемы русского языка, образуют в нем производные слова, образуют грамматическими формами, развивают новые лексические значения, например: *донат* (< *donate* «жертвовать») – 1) деньги, денежное пожертвование; трата, вклад в игру (покупка внутри приложения); 2) добровольный взнос, пожертвование, спонсирование в целях получения доступа к большому материалу (обычно во «ВКонтакте»); денежная поддержка блогеров на прямых трансляциях; 3) пополнение чьего-л. счета; 4) пончик; *думер* (< *doomer* «обреченный») – 1) человек с депрессией, то же, что *дед инсайд*; 2) депрессивные миллениалы, дети 90-х, с депрессивными взглядами на жизнь; 3) взрослый дед инсайд; *краш* (< *crush* «предмет обожания, любви») – 1) человек, который нравится, в которого влюблен, которого обожает; предмет воздыхания; 2) красивый, любимый; 3) идеал второй половинки; 4) влюбленность; 5) человек, который симпатизирует тебе; 6) кумир, знаменитость, которая нравится кому-л., но не знает о его существовании; *кринж* (< *to cringe* «съеживаться, раболепствовать, проявлять раболепный страх») – 1) «испанский стыд» – стыд за поступки других людей; 2) постыдная или неловкая ситуация, момент, за который стыдно; 3) что-то неприятное, странное, некрасивое, ужасное или смешное; 4) то же, что

стрёмный; 5) треш; *муд* (< *mood* «настроение») – 1) настроение, состояние (души); 2) чувство; 3) отношение к ситуации; 4) типичный день, *жиза*; *по дефолту* (< *default* «по умолчанию») – 1) обычно, по-обычному, стандартно; 2) по умолчанию, априори, «на автомате»; 3) стабильно; 4) в шутку, по приколу; *рандомный* (< *random* «случайный, произвольный, беспорядочный, выбранный наугад») – 1) случайный; 2) выбранный случайно, наугад; 3) какой-то, любой; 4) как всегда; *рофлить* (< *Rolling On the Floor Laughing* «кататься по полу со смеху») – 1) смеяться; 2) смеяться до упаду; 3) высмеивать, насмехаться, шутить (иногда грубо), издеваться над кем-л., угорать, стебать, прикалываться; *тильт* (< *tilt* «крен, наклон») – 1) отсутствие настроения, грусть; печальное, расстроенное состояние; 2) быстро проходящая депрессия, в легкой форме; 3) шок; *токсик* (< *toxic* «токсичный, ядовитый») – 1) токсичный, злой, ядовитый человек; 2) неприятный, раздраженный человек; 3) скучный человек; 4) язвительный человек, который высмеивает чужие проблемы, страхи, воздействует на «больные точки», смеется над сокровенным; 5) агрессивный человек; 6) человек, общение с которым напрягает, утомляет; 7) тот, кто вызывает отвращение; 8) то же, что *баран*, *заучка*; *трабл* (< *trouble* «проблема, неприятность, ошибка») – 1) проблема, сложность, трудность; 2) ошибка, неудача, провал, трагедия; 3) плохой,

неприятный человек; *флешка* (< *flash* «миг, мгновение, вспышка») – 1) внешний носитель информации для компьютера, USB-накопитель; 2) световая, ослепительная граната; граната из игры «Контр-Страйк»; 3) электронное устройство для курения; *фулл* (< *full* «полный») – 1) полный, объемный, исчерпывающий; 2) полная версия какого-л. фото, видеозаписи, текста, оригинал; 3) заполнить; *хайн* (< *hype* «шумиха») – 1) что-л. сделанное для пиара, мгновенного привлечения внимания, получения известности, наживы; 2) слава, известность, популярность, шумиха; 3) момент огромной популярности, знаменитости, публичной славы в СМИ; 4) нажива на популярности, обман зрителя; 5) инфоповод; 6) гневные фразы; *чекать* (< *to check* «проверять») – 1) смотреть, проверять; 2) искать информацию; 3) наблюдать, отслеживать; *шипперить* (< *ship < relationship* «отношения» или *shipping* «доставка грузов») – 1) сводить кого-л. с кем-л., выстраивать чьи-л. романтические отношения, сватать людей; 2) представлять каких-л. людей в отношениях, считать их парой; 3) приписывать двум людям любовные отношения, чувства; 4) издеваться над двумя людьми, ложно воображая их парой (толкования составлены с опорой на данные опроса).

Примечательно, что школьники нашей респондентской группы ценят русский язык, знают о его богатстве, красоте и мощи, демон-

стрируют установку на его сохранение. И если учащиеся 7 классов нередко затруднялись ответить на вопрос о последствиях использования рунглиша, то больше половины десятиклассников убеждены в том,

что русский язык никогда не исчезнет, процесс заимствования англицизмов представляется им естественным и безопасным, прогрессивным явлением (см. табл. 2).

Таблица 2.

Может ли русский язык исчезнуть, если англицизмов в нем будет больше?

<i>Ответы школьников</i>		
Нет (17)	Да, может (11)	Уже исчезает (2)
<ul style="list-style-type: none"> • Нет, потому что большинство людей не использует англицизмы • Нет, он неисчерпаем, а это лишь временный жаргонный язык; это молодежный сленг • Русский язык не исчезнет, даже если будет много англицизмов • Русский язык будет жить независимо от количества англицизмов • Русский язык не уйдет, а англицизмы просто являются удобным дополнением к нашему языку • Русский никогда не исчезнет! • Русский язык слишком богат, чтобы его заменить. По-моему, он просто эволюционирует • Все слова заменить англицизмами невозможно 	<ul style="list-style-type: none"> • Язык постоянно изменяется, но останется большой пласт других составляющих языка • Да, может, либо сильно изменится • Да, конечно, «великий, могучий русский язык» обеднится и через какое-то время встанет на путь деградации: от исконно русской речи ничего не останется. Люди забудут про исконно русские слова, что неправильно и недопустимо, потому что именно в языке заключена сила народа, его история. Состояние языка предопределяет дальнейшее развитие народа • Возможно, но, наверное, не только из-за сленга • Возможно, что когда-нибудь будет существовать международный язык, где будет смесь каких-то языков, но мне кажется, что мы не допустим полного исчезновения русского 	<ul style="list-style-type: none"> • Всё-таки происходит деградация и отмирание языка. Теряется культура как языка, так и страны • Русский язык уже частично исчез, потому что поколение «зумеров» часто использует англицизмы

Некоторые учащиеся знают о взаимосвязи между жизнью языка, менталитетом, историческим путем его носителей: *«Люди забудут про исконно русские слова, что неправильно и недопустимо, потому что именно в языке заключена сила народа, его история. Состояние языка предопределяет дальнейшее развитие народа»; «Теряется культура как языка, так и страны».* Часть детей также замечает формирование рунглиша, частично осознает свое участие в этом процессе: *«Самый популярный язык в мире – это английский, так мы учим частые фразы и многие слова в английском, заменяем целые предложения в русском, а это удобно, главное уметь их правильно применять»* (авторская пунктуация сохранена). Вместе с тем они чувствуют свою разобщенность со взрослыми в силу языковых различий: *«Я считаю, что англицизмы сейчас используются подростками, тем самым нарушая связи между поколениями. Взрослые люди начинают чувствовать себя глупо и неловко из-за этого. Поэтому я за то, чтобы русский язык не разлагался. Он очень красивый сам по себе. Дети могут не знать половины русских слов, так что пусть читают отечественную литературу».* Очевидно, что российские школьники нуждаются в просвещении относительно возможных последствий активного смещения языков, а также в повышении уровня своей речевой культуры, пони-

мания включенности языковых процессов в политический дискурс.

В массиве исследованных нами слов и выражений есть такие, которые наиболее ярко свидетельствуют об идеологическом влиянии Запада на менталитет, систему ценностей россиян. Так, в сознании молодежи закрепляются концепты, демонстрирующие популяризацию идеологии потребления и сексуальной свободы (*чилить на вайбе* «отдыхать, бездельничать, тусоваться»), *ашкуди* «электронная сигарета», *вейп* «устройство для парения, курения», *флешка* «электронное устройство для курения», *трэш* «жанр кино, в котором много сцен насилия, жестокости», *хорор* «жанр искусства: страшный фильм, страшная игра»; *милфа* «сексуально привлекательная женщина средних лет», *милфхантер* «молодой человек, которого привлекают женщины в возрасте», *нюдсы* «интимные фотографии», *пикап* «знакомство с целью интимной близости», *пикапер* «тот, кто соблазняет девушек, женщин», *стэнить / станить* «быть чьим-л. преданным поклонником, страстным фанатом», *хорни* «сексуально озабоченный человек», *шипперить* «сводить кого-л. с кем-л., сватать людей; приписывать двум людям любовные отношения», *шугар дэдди* «богатый покровитель молодых девушек, «папик»»); индивидуализма, визуальной раскрепощенности, демонстрации успешности (*альт* «альтернативный; подросток, который отходит от стандартов, не такой,

как все», *селфи* «автопортрет; фотографирование самого себя», *стрим* «прямой эфир, трансляция каких-л. действий, событий», *форс* «хвастовство; искусственная раскрутка чего-л.», *хайп* «шумиха, намеренно создаваемый ажиотаж с целью саморекламы, повышения популярности кого- / чего-л.», *челлендж* «вызов; задание, которое выполняет и записывает на видео блогер»); буллинга, «культуры отмены» (*агриться* «злиться, агрессивировать; намеренно раздражать кого-л.», *байтить* «презирать, издеваться, провоцировать, заставлять проявлять агрессию, негативные эмоции», *биф* «вражда между представителями хип-хоп культуры, рэп-исполнителями», *бодишейминг* «стыдить, осуждать кого-л. за его внешний вид; дискриминация по внешнему, непривлекательному виду», *буллинг* «травля, издевательство», *кибербуллинг* «травля, преследование в виртуальном пространстве», *мьютить* «выключить звук, заглушать человека в голосовом чате», *сексизм* «дискриминация по полу», *эйджизм* «дискриминация по возрасту», *токсик* «человек, который высмеивает чужие проблемы, страхи, воздействует на «больные точки», смеется над сокровенным; агрессивный человек; тот, кто вызывает отвращение, то же, что *баран*, *заучка*; человек без эмпатии, склонный вставать в позицию жертвы», *токсичить* «злиться, раздражаться, изливать «яд» на окружающих», *трабл* «плохой, неприятный человек»,

рофлить «высмеивать, насмехаться, издеваться над кем-л.»); феминизма (*абьюз* «домашнее насилие», *абьюзер* «человек, который применяет психологические, физические, экономические методы насилия; манипулятор», *вуман момент* «женский поступок; женская логика; действие, которое понимают только женщины, девушки»; *мизогиния* «ненависть к женщинам, дискриминация женщин», *рэд флаг* «ситуация, на которую стоит обратить внимание, задуматься; изначально о человеке, с которым невозможно построить здоровые отношения», *харассмент* «домогательство, приставание»), депрессии как мироощущения и стиля жизни (*дед инсайд* «мертвый внутри; негативный, хмурый, депрессивный человек», *думер* «депрессивные миллениалы, дети 90-х с депрессивными взглядами на жизнь; взрослый дед инсайд», *тильт* «грусть, печаль; депрессия в легкой и быстрой форме», *факап* «крупная неудача, провал, поражение»). Игра в депрессию, мода на нее, по замечаниям психологов и других специалистов, широко распространены в последние годы в России. В усвоении иноязычной лексики российские подростки демонстрируют традиционную открытость миру и вместе с тем собственную уязвимость (см. наименования, обозначающие состояния и чувства молодых людей, переживающих несовершенство мира, своего тела, духовной организации и не вписывающихся в социальные стандарты,

не защищенных от агрессии). Думается, что данные психологические свойства делают их восприимчивыми к идеологическому влиянию Запада.

Заключение

Н. А. Аверьянова, К. В. Мацюпа, С. Ю. Максимова и др. ученые предостерегают от потери самобытности русского языка в свете американо-английского влияния [Аверьянова, 2014; Мацюпа, 2019]. По мнению Г. М. Литвиновой, «информационно-психологическое воздействие на гуманитарную сферу как важнейшую составляющую духовной идентичности общества таит в себе серьезную опасность» [Литвинова, 2016, с. 284]. Действительно, утрату языка и культуры, нивелирование национальных особенностей менталитета люди склонны рассматривать как экзистенциальную угрозу. С одной стороны, текущие социально-политические процессы в мире не оставляют в этом сомнений. С другой стороны, «защита языка – это условие национальной безопасности и сохранения цивилизационной идентичности» [Русский язык ... , 2021, с. 63].

Важно отметить, что не только на русский язык и Россию воздействует английский язык как фактор «мягкой силы»: сформировались и активно используются спанглиш, денглиш, хинглиш, чинглиш и др. пиджины, которые, по замечаниям лингвистов, разрушают нормы и английского языка, и контактирующих с ним языков.

Е. М. Лазуткина подчеркивает: «активная государственная языковая политика особенно важна в наше время, когда планетарный процесс глобализации, преследующий цель разрушения национальных языков и культур, осуществляет свои планы по определенным программам и каналам воздействия на сферу употребления языка, применяет приемы искусственного формирования отрицательных черт речевой практики» [Русский язык ... , 2021, с. 47]. Направления деятельности «агентов культурной глобализации», с ее точки зрения, – «пропаганда отказа от языковых норм; распространение моды на сниженный стиль речи; отрицание престижности высокого уровня владения языком; отрицание общеупотребительности русского литературного языка» [Замятин, 2012, с. 38]. В свете этого понятно, что уход от глобализации «может оказаться действенным способом сохранения культурной самобытности» [Замятин, 2012, с. 38], языкового многообразия.

Рассуждая о перспективах русского языка, ученые и общественные деятели приводят множество разнообразных, по преимуществу малопредсказуемых обуславливающих факторов. Результат дискуссии, упомянутой в начале нашей статьи, – в 2100 г. будет «совсем другой русский» [Будут ли говорить ... , 2014]. В целом это соответствует направлению естественного языкового развития. Однако нельзя не согласиться с замечаниями

ми Е. М. Лазуткиной и других исследователей о необходимости защиты русского языка в текущей геополитической обстановке: «Бездействие дает широкий простор для агрессивной политики...» [Русский язык..., 2021, с. 63]; «...в рамках «русского мира» сегодня должна быть организована универсальная система обеспечения безопасности на лингвокультурной основе, в полном соответствии с национальными интересами государства» [Языковая политика..., 2018, с. 78]; «необходима целенаправленная, последовательная, активная государственная языковая политика,

тщательная разработка мер контроля и регулирования» [Русский язык..., 2021, с. 47]. Вместе с тем важно заниматься широким просвещением носителей русского языка, и, прежде всего, молодежи, разъяснением последствий смешения языков, использования пиджинов, а также повышением уровня речевой культуры, раздельного владения родным и иностранными языками, что невозможно без должного развития культуры мышления, поведения, системы ценностей, в том числе гражданской ответственности россиян.

Библиографический список

1. Аверьянова Н. Н. Рунглиш: модный гибрид или необходимость // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1(9). С. 6-13.
2. Будут ли говорить по-русски в 2100 году? Проблема исчезновения языков // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 1(19). С. 4-31.
3. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчего. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.
4. Замятин К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. Хельсинки : Vammala, 2012. 180 с.
5. Кондрашкина Е. А. Филологические науки. Языковой сдвиг как результат влияния социальных факторов (на примере финно-угорских языков РФ) // Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15, Вып. 10. С. 3306-3311.
6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Москва : Языки русской культуры, 1996. С. 142-161.
7. Кушнир А. Русский язык и безопасность // Народное образование. 2001. № 2. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2001-2/russkiiy-yazik-i-nacionalnaya-bezopasnost->. (Дата обращения: 22.05.2023).
8. Литвинова Г. М. «С чего начинается Родина?..» О языковой экологии и не только // Русский язык и культура в зеркале перевода. Москва : Высшая школа

перевода (факультет) Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2016. № 1. С. 284-294.

9. Мацюпа К. В. Рунглиш как феномен языковых контактов / К. В. Мацюпа, С. Ю. Максимова // Языковая и культурная идентичность в цифровую эпоху : коллективная монография / под общ. ред. А. А. Зарайского. Саратов : Амирит, 2019. С. 34-40.

10. Мурашко С. Ф. Английский язык как инструмент «мягкой силы» / С. Ф. Мурашко, А. Н. Долгенко, В. Р. Богуславская, С. В. Рудакова // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 5(131). С. 79-84.

11. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. Б. А. Серебренников. Москва : Наука, 1970. 604 с.

12. Пучинина А. Н. Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодежи / А. Н. Пучинина, Н. В. Сергиенко // Вестник Щадринского педагогического университета. 2021. № 3 (51). С. 124-128.

13. Рассказова Е. А. Англицизмы в речи современной молодежи (на материале студентов СФ БашГУ) / Е. А. Рассказова, О. О. Хасанова // Перспективы развития современного гуманитарного знания: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. В. Миннибаева. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал ФГБОУ ПО «Башкирский государственный университет», 2020. С. 102-107.

14. Русский язык в современном мире: настоящее и будущее: сб. статей / Отв. ред., ред.-составитель Раренко М. Б. Москва : РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания, 2021. 215 с. (Теория и история языкознания).

15. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119>. (Дата обращения: 22.05.2023).

16. Хазимуллина Е. Е. О вариантах преодоления асимметрии языковой и когнитивной картин мира в условиях полилингвизма // Мир русского слова. 2009а. № 3. С. 11-19.

17. Хазимуллина Е. Е. Мотивационные аспекты школьного жаргона // Русский язык в школе. 2009b. № 4. С. 90-96.

18. Цибизова О. В. Англицизмы в молодежном сленге 2020-2021 гг.: опыт описания и анализа / О. В. Цибизова, И. И. Галанкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 684-698.

19. Шенаева О. В. Рунглиш в языковой среде современной России // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7-1. С. 53-55.

20. Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы второго международного научно-образовательного форума 25-26 сентября 2018 г. / Ответств. за выпуск проф. М. А. Викулина. Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. 300 с.

Reference list

1. Aver'janova N. N. RunGLISH: modnyj gibrigid ili neobhodimost' = RunGLISH: a fashionable hybrid or a necessity // Professional'noe obrazovanie i obshhestvo. 2014. № 1(9). S. 6-13.
2. Budut li govorit' po-russki v 2100 godu? Problema ischeznovenija jazykov = Will Russian be spoken in 2100? The problem of language extinction // Idei i idealy. 2014. T. 1, № 1(19). S. 4-31.
3. Indeks polozhenija russkogo jazyka v mire: indeks global'noj konkurentosposobnosti (GK-Indeks), indeks ustojchivosti v stranah postsovetskogo prostranstva (US-Indeks). Vypusk 2 = Index of the Russian language status in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (SU-Index). Issue 2 / sost. A. L. Aref'ev, A. R. Golub', S. Ju. Kamysheva, I. A. Maev, A. I. Ol'hovskaja, M. A. Osadchij, M. N. Ruseckaja, A. S. Hehtel' ; pod red. M. A. Osadchego. Moskva: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2022. 60 s.
4. Zamjatin K. Kak i zachem sohranjat' jazyki narodov Rossii? = How and why to preserve the languages of the peoples in Russia? / K. Zamjatin, A. Pasanen, Ja. Saarikivi. Hel'sinki : Vammala, 2012. 180 s.
5. Kondrashkina E. A. Filologicheskie nauki. Jazykovej sdvig kak rezul'tat vlijanija social'nyh faktorov (na primere finno-ugorskih jazykov RF) = Philological sciences. Language shift as a result of the social factors influence (the example of Finno-Ugric languages in the RF) // Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice. 2022. Tom 15. Vypusk 10. S. 3306-3311.
6. Krysin L. P. Inozazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni = Foreign words in the context of contemporary social life // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 142-161.
7. Kushnir A. Russkij jazyk i bezopasnost' = The Russian language and security // Narodnoe obrazovanie. 2001. № 2. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2001-2/russkiy-yazyk-i-nacionalnaya-bezopasnost->. (Data obrashhenija: 22.05.2023).
8. Litvinova G. M. «S chego nachinaetsja Rodina?..» O jazykovej jekologii i ne tol'ko = "Where does the Motherland begin...?" On linguistic ecology and more // Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Moskva : Vysshaja shkola perevoda (fakul'tet) Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. 2016. № 1. S. 284-294.
9. Macjupa K. V. RunGLISH kak fenomen jazykovyh kontaktov = RunGLISH as a linguistic contacts phenomenon / K. V. Macjupa, S. Ju. Maksimova // Jazykovaja i kul'turnaja identichnost' v cifrovuju jepohu : kollektivnaja monografija / pod obshh. red. A. A. Zарајskogo. Saratov : Amirit, 2019. S. 34-40.
10. Murashko S. F. Anglijskij jazyk kak instrument «mjagkoj sily» = The English language as a tool of "soft power" / S. F. Murashko, A. N. Dolgenko, V. R. Boguslavskaja, S. V. Rudakova // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2019. № 5(131). S. 79-84.
11. Obshhee jazykoznanie: formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka = General linguistics: forms of existence, functions, history of language / red. B. A. Serebrennikov. Moskva : Nauka, 1970. 604 s.

12. Puchinina A. N. Anglicizmy v rechi sovremennoj russkogovorjashhej molodezhi = Anglicisms in the speech of modern Russian youth / A. N. Puchinina, N. V. Sergienko // Vestnik Shhadrinskogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 3 (51). S. 124-128.

13. Rasskazova E. A. Anglicizmy v rechi sovremennoj molodezhi (na materiale studentov SF BashGU) = Anglicisms in the speech of modern youth (on the material of Bashkir State University students) / E. A. Rasskazova, O. O. Hasanova // Perspektivy razvitija sovremennogo gumanitarnogo znaniya: Sb. materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. S. V. Minibaeva. Sterlitamak : Sterlitamaskij filial FGBOU PO «Bashkirskij gosudarstvennyj universitet», 2020. S. 102-107.

14. Russkij jazyk v sovremennom mire: nastojashhee i budushhee = The Russian language in the modern world: present and future : sb. statej / Otv. red., red.-sostavitel' Rarenko M. B. Moskva : RAN, INION, Centr gumanit. nauch.-inform. issled. otd. jazykoznanija, 2021. 215 s. (Teorija i istorija jazykoznanija).

15. Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrja 2012 g. № 1666) = The Strategy of the Russian Federation State National Policy for the period to 2025 (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119>. (Data obrashhenija: 22.05.2023).

16. Hazimullina E. E. O variantah preodolenija asimmetrii jazykovoj i kognitivnoj kartin mira v uslovijah polilingvizma = On the variants of overcoming the asymmetry between linguistic and cognitive pictures of the world in the context of polylingualism // Mir russkogo slova. 2009a. № 3. S. 11-19.

17. Hazimullina E. E. Motivacionnye aspekty shkol'nogo zhargona = Motivational aspects of school jargon // Russkij jazyk v shkole. 2009b. № 4. S. 90-96.

18. Cibizova O. V. Anglicizmy v molodezhnom slenge 2020-2021 gg.: opyt opisaniya i analiza = Anglicisms in youth slang 2020-2021: description and analysis / O. V. Cibizova, I. I. Galankina // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. № 3. S. 684-698.

19. Shenaeva O. V. RunGLISH v jazykovoj srede sovremennoj Rossii = RunGLISH in the modern Russian linguistic sphere // Sovremennye naukoemkie tehnologii. 2013. № 7-1. S. 53-55.

20. Jazykovaja politika i lingvisticheskaja bezopasnost' : materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma 25-26 sentjabrja 2018 g. = Language policy and linguistic security : materials of the second international scientific and educational forum September 25-26, 2018 / Otvetstv. za vypusk prof. M. A. Vikulina. Nizhnij Novgorod : NGLU, 2018. 300 s.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 19.09.2023; approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023